
АНТИРОССИЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ ГЕРМАНИИ НА КАВКАЗЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И.И. Баринов

Исторический факультет
Московский государственный университет им. М.С. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 27-4, Москва, Россия, 119992

Статья посвящена изучению и критическому разбору стратегических планов Германии, нацеленных против России в кавказском регионе в условиях Первой мировой войны, выявлению особенностей и характерных черт германской стратегии, а также причин ее провала. В статье также представляется возможным проследить специфику соотношения социальных и национальных противоречий на Кавказе начала XX в.

Ключевые слова: Россия, Германия, Кавказ, Первая мировая война, геополитика.

Как и любое социальное действие, любое политическое решение диктуется той или иной интерпретацией реальности. Соответственно, эффективность и результативность подобного решения является функцией в том числе и от того, насколько верно реальность проинтерпретирована и проанализирована. Опыт таких крупных государств, как Британская империя, США или Советский Союз показывает, что элиты в полной мере осознавали данный факт. Так, столкнувшись с необходимостью управлять огромной империей еще более разросшейся в ходе Первой мировой войны и еще более усложнившейся в политико-экономическом смысле, Великобритания в 1916 г. создает Школу ориенталистики и африканистики (SOAS) – «кузницу» экспертов в области практического востоковедения. Ее примеру в 1942 г. следуют США, создавшие аналитический отдел в Управлении стратегических служб (OSS) для изучения, прежде всего, феномена нацизма и нацистской Германии. Наконец, в середине 1950-х гг. Советский Союз, активно борющийся за сферы влияния в странах азиатско-африканского региона, создает, в 1956 г., Институт восточных языков (ИВЯ) – своего рода аналог британской школы ориенталистики. Все эти институты преследовали две цели: с одной стороны, изучить специфические проблемы и реалии регионов, стратегически важные в тот период, а с другой – доносить свое экспертное мнение до элиты, формирующей конкретную политику.

Ярким исключением из этой тенденции привлекать ученых к решению актуальных политических задач является Германия. Исключение это кажется тем более поразительным, если принять во внимание тот факт, что сначала Германская империя (1871–1918), а затем Третий Рейх (1933–1945) пыта-

лись занять место Британской империи как мирового гегемона, оспорив претензии США на ту же роль. Очевидно, что это требовало колоссальных усилий со стороны Германии, в том числе и в области долгосрочного стратегического планирования. Однако блистательная академическая наука Германии оказалась во многом невостребованной немецкой элитой, что порой приводило к катастрофически неверной интерпретации реалий тех регионов, где Берлин стремился проводить активную внешнюю политику и, как следствие, к ее провалу. Одним из первых таких направлений был Кавказ.

С необходимостью тем или иным образом сформулировать свои цели в этом регионе Германская империя столкнулась в преддверии Первой мировой войны. Кавказское направление было для Берлина, в общем, новым – насколько это определение неевропейского вектора подходит для государства, возникшего лишь в 1871 г. и не имевшего опыта колониальной политики. В этом контексте немецкой элите как никогда требовалось экспертное мнение специалистов-ориенталистов. Более того, в отличие от Великобритании, США или России/СССР, в Германии так и не появилось адекватного по масштабам и интеллектуальной глубине института, подобного УСС или СОАС.

Парадокс, таким образом, заключается в том, что политика Германской империи в стратегически столь важном направлении базировалась скорее на иллюзиях, нежели на реальном анализе социальных и политических процессов, протекавших в русском Закавказье.

Активное проникновение России в кавказский регион, имевшее своей целью установить там политическое господство, началось при Петре I и представляло собой органичную часть, своего рода «южное направление», его экспансионистской внешней политики. «Персидский поход», в ходе которого была предпринята попытка закрепиться на юго-западном побережье Каспийского моря, являлся логичным продолжением Северной войны со Швецией и войны с Османской империей.

Однако, несмотря на военный успех данной кампании, политических результатов «персидский поход» не принес. Последовательная же политика Петербурга, направленная на присоединение всей территории Южного Кавказа, началась с подписания договора об установлении протектората на Грузии (известного так же как «Георгиевский трактат»), лишь в 1783 г. Русско-персидско-османское противостояние за обладание регионом продолжалось более полувека и завершилось лишь в 1828–1829 гг., когда две победные для России войны завершились столь же победными дипломатическими договорами (Туркманчайским миром с Персией и Адрианопольским миром с Османской империей). С этого времени Южный Кавказ, пусть и с различным политико-административным статусом, неизменно входил в состав Российской Империи вплоть до ее распада в 1917 г.

Установление русского контроля над территорией современных Грузии, Армении и Азербайджана не было типичным колониальным захватом или имперским расширением, наподобие британских или французских захватов

в Азии или Африке. По выражению британского историка-слависта Д. Хоскинга, «у Британии была империя, а Россия империей являлась» (1). Той экономической эксплуатации, которая практиковалась британскими и французскими властями в своих колониях, Закавказье не знало. Между тем завоевание Южного Кавказа имело важные социально-экономические и политико-стратегические последствия для данного региона. С одной стороны, включение Кавказа в состав Российской Империи хронологически совпало с началом активного развития в России капитализма и включением уже самой России в мировую капиталистическую систему. Это означало социальную и экономическую трансформацию Закавказья и привнесение туда как одно из следствий новых социальных конфликтов. С другой стороны, закавказский регион стал восприниматься ведущими европейскими державами уже не как арена преимущественно русско-осmano-персидского противостояния, а как периферия континентальной империи, претендующей на ведущие позиции в Европе и мире. Такие крупные державы, как Великобритания и Германия, а несколько позже – США, уже формулировали свое видение будущего Кавказа в контексте их русской политики и отношений с Россией (и позднее СССР) в целом.

В период поздней Российской Империи, в 1881–1917 гг., социально-экономические процессы, связанные с проникновением и развитием капитализма, и политические процессы, связанные с интеграцией Кавказа в Российское государство, стали активно смешиваться с этническими и национальными процессами, порой образуя очень сложные и тугие конфликтные узлы. Они, в свою очередь, зачастую сдерживали формирование однородного национального самосознания у грузин, армян и азербайджанцев. И на это существовал ряд причин.

Во-первых, распространение капиталистических отношений и процесс модернизации вообще оказались в Закавказье крайне неравномерными с географической точки зрения. Двумя центрами, вокруг которых развивались промышленность и современная инфраструктура, были Баку и Тифлис. Остальные территории оказывались затронутыми модернизационными процессами куда в меньшей степени. Европейцы, оказывавшиеся в тот период в районе Баку, отмечали причудливое сочетание современного и древнего: новых промышленных городов, с предприятиями, отелями, клубами, куда допускались как мужчины, так и женщины, и огромного количества небольших городов и деревень, где материальная цивилизация и уклад жизни не претерпел принципиальных изменений (2).

Горные районы как Северного, так и Южного Кавказа были еще менее затронуты модернизацией. Так, даже в начале XX в. в горных районах сохранялось местное, обычное, право: имеются сведения, что даже в 1907 г. (50 лет спустя после ликвидации имамата Шамиля!) генерал-губернатор в Тифлисе запрещал нижестоящему наместнику Дагестана вмешиваться в местные, на уровне деревень, споры, предавая право на их разрешение местным судьям-кади (3).

Данная неравномерность означала фактически то, что единое социальное пространство, в рамках которого могли бы формироваться современные нации и функционировать современные политические партии, отсутствовало.

Во-вторых, говоря марксистским языком, процесс образования классов тесным образом переплетался с этническими противоречиями. К началу XX в. в наиболее промышленно развитом регионе Закавказья – в Баку и его окрестностях – сложилась следующая этно-классовая структура: чуть более половины (54%) всех владельцев нефтеперерабатывающих промыслов и более 70% всех малоквалифицированных рабочих являлись этническими азербайджанцами. Подобная ситуация, очевидно, делала классовые интересы куда более важными, а классовый конфликт куда более острым, чем национальные азербайджанские интересы. Примечательно также и то, что все крупные политические партии Закавказья, существовавшие в последней декаде XIX – начале XX в., сформировались как отражавшие классовые интересы политические силы: армянская партия «*Дашнакцутюн*», созданная в 1890 г., изначально отстаивала интересы армянских крестьян; Партия социалистов-федералистов (ПСФ) Грузии, появившаяся в 1901 г., выступала не просто за национальную автономию Грузии в составе России, но, очевидно, апеллировала к рабочему классу; азербайджанская партия «*Гуммет*», образованная в 1904 г., также имела социал-демократическую программу (4). Постепенно все эти политические силы приняли, в том или ином объеме, риторику национализма, однако на момент своего зарождения и становления они отражали тот факт, что классовые проблемы были в Закавказье ничуть не менее, а где-то и более, важными, чем национальные, и это отмечалось уже в конце XIX в. (5).

В-третьих, процесс развития национальных движений до определенной степени сдерживался отсутствием в Закавказье национальных высших учебных заведений. Национализм, как своего рода политическая идеология, прежде и больше всего есть продукт деятельности национально ориентированных интеллектуалов (если, конечно, он не навязывается государством), а лучшей «кузницей» для них является современный университет. При этом в период русского правления в Закавказье не было открыто ни одного высшего учебного заведения: Тифлисский университет был создан в 1918 г., а Эриванский и Бакинский университеты – только в 1919 г. Так, крупнейшие грузинские интеллектуалы Илья Чавчавадзе (1837–1907) и Ной Жордания (1859–1953) обучались в Петербургском и Варшавском университетах соответственно и были в большой степени интегрированы в русскую (и шире – в европейскую) культуру.

В-четвертых, важной особенностью русского контроля над Закавказьем была его умеренная репрессивность по отношению к местному населению. На протяжении тех восьми десятилетий, что Закавказье являлось частью Российской Империи, этнические грузины, армяне и азербайджанцы в целом имели примерно такой же набор гражданских прав, что и, собственно, этни-

чески русские подданные императора. Как отмечает британский специалист по Кавказу Томас де Вааль, «существовавшие барьеры носили скорее социальный, нежели этнический характер» (6). Такое положение вещей приводило к тому, что коллективный враг, столь важный для формирования национальной идентичности, если не отсутствовал полностью, то был трудно конструируем националистически мыслящими интеллектуалами. Важным подтверждением этому может служить нежелание закавказских лидеров окончательно порывать с Россией в 1917 г.: как заявлял тогда Н. Жордания, «наши надежды по-прежнему связаны с демократической Россией» (7).

Хотя во время общего кризиса внутри империи во время революции 1905–1907 гг. в Закавказье имели место кровопролитные столкновения на этнической почве, приведшие к тысячам жертв, ввиду вышеизложенных причин есть основания утверждать, что эти беспорядки были следствием скорее традиционной этно-религиозной ксенофобии, нежели результатом уже сформировавшегося национального мировоззрения, с устоявшейся иерархией «врагов» и «чужих». Русский позднеимперский Кавказ оказывался, таким образом, сложным переплетением классовых и этно-национальных конфликтов, среди которых первые имели относительный перевес.

Вошедшее в состав Российской Империи к началу второй трети XIX в., Закавказье в начале века двадцатого постепенно стало объектом военно-стратегического планирования крупнейших европейских держав. По мере оформления политических блоков (в 1879 г. был создан Тройственный союз, который впоследствии уступит место Четверному союзу Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Османской империи, а в 1907 г. Великобритания, Франция и Россия создали Антанту) генеральные штабы каждой из стран разрабатывали все более деятельные планы войн и возможных послевоенных разделов мира. Если применительно к европейскому континенту Германия, Россия, Великобритания и другие страны формулировали свои интересы достаточно ясно, то в отношении таких, в целом, еще периферийных, хотя и, несомненно, стратегически важных регионов, как Закавказье, процесс артикуляции средне- и долгосрочных целей зачастую затягивался. Немаловажную роль в этом, как представляется, сыграли три основных фактора.

Во-первых, для гуманитарных, в частности, общественных наук, призванных подготовить идеологию политической экспансии того или иного государства, во второй половине XIX – начале XX в. было характерно сильное тяготение к научным трендам, идущим со времен Просвещения и Романтизма. Если в представлении интеллектуалов рубежа веков экзотикой были Карпаты, расположенные в сердце Европы, то Кавказ и вовсе представлялся чем-то романтично-восточным, далекой, неизведанной землей. На восприятие жителей Кавказа также наложили отпечаток литературно-гуманистические традиции: так, немецкий этнограф Родерих фон Эрккерт наделял их врожденной красотой, талантами и благородством (8).

По мере усиления противостояния между Россией и западными державами эти тренды дополнялись яркой политической окраской. Так, в годы Крымской войны 1853–1856 гг., известный в то время немецкий автор Фридрих Боденштедт писал об угнетенных «московитским скипетром» кавказских народах (9), а Шамиля называл «одухотворенным апостолом» (10). Примером наследственности этих тенденций в немецкой этнографической литературе может, например, служить тот факт, что тезис Боденштедта об исламе как конституирующей «основе ненависти к русским» (11) практически дословно повторялся спустя восемьдесят лет в работе ведущего немецкого специалиста по тюркскому вопросу Герхарда фон Менде (12). Таким образом, даже в годы Первой мировой войны германские эксперты руководствовались априорными представлениями о Кавказе, не учитывая всей сложности социальных и национальных аспектов.

Во-вторых, на развитие германской восточной политики наложили отпечаток «сильные аффекты и фобии германской буржуазной общественности» (13), в результате чего германские консервативные публицисты и специалисты по русским вопросам в своих работах по большей части эксплуатировали мысли о России как деспотичной «тюрьме народов» (14) и о том, что эти народы только и ждут, когда Германия освободит их из-под русского владычества. В этой связи германский Генштаб делал весьма неосмотрительные и зачастую материально затратные ставки на все антирусски настроенные силы, которые появлялись на политическом горизонте.

В-третьих, сказывалось отсутствие в начале XX в. каких-либо профессиональных учреждений, могущих оказать консультативные функции по ведению политики на Кавказе. Более того, даже при вербовке агентов германские эмиссары готовили их, рассуждая с ними о достоинствах немецкой культуры и ее преимуществах над русской (15).

В этом контексте и формировалась немецкая политика в отношении Закавказья. Первой, и видимо, наиболее значимой ее особенностью являлось *глобальность стратегического видения и планирования*. Русское Закавказье приобретало для Германии тем большее значение, чем сильнее обострялось противостояние Берлина со странами Антанты. Уже в самом начале Первой мировой войны, в сентябре 1914 г., Германия рассматривала захват Закавказья как один из важнейших стратегических шагов, наряду с оккупацией Египта. Это, по мнению разработчика данного проекта, австрийского посла в Константинополе Яноша фон Паллавичини, позволило бы «вбить клин» между владениями Российской и Британской империй, с одной стороны, и открыть доступ Германии к безопасному пути к Британской Индии – с другой (16).

В отношении оперативной стратегии существовали различные варианты действий. Так, одновременно с проектом Паллавичини германский Генштаб рассматривал «проект нейтрализации Кавказа» (17), представленный лидерами действовавшего в Германии и Османской империи Комитета за неза-

висимость Грузии, наиболее активной среди кавказских организаций подобного рода, Михаилом Церетели (1878–1965) и Георгием Мачабели (1885–1935). Данный проект ставил целью создание «нейтральной закавказской федерации» на основе «солидарности кавказских народов» (18), видимо, при безальтернативной враждебности по отношению к России. При этом грузины, как утверждал М. Церетели, являлись главным этносом Кавказа и только им, на основе накопленного опыта государственности и политической жизни, было под силу создать современное государство (19). Подобная гомогенизация Кавказа впоследствии присутствовала и в стратегических разработках уже гитлеровского Генштаба, отмечавших «единый образ мыслей и врожденное чувство свободы» местных жителей (20).

Между тем наряду с этим немецкие военные и политики разрабатывали аналитически выверенные и обоснованные планы: в январе 1915 г. в МИД Германской империи немецкими экспертами был представлен меморандум, центральной идеей которого являлась «революционизация Кавказа» – то есть необходимость использовать существующие там противоречия, прежде всего – национальные, для обострения внутренней обстановки (21). Эти положения были закреплены на встрече 1 августа 1917 г. между главой германского МИДа Рихардом фон Кюльманом и идеологами младотурецкой партии «Единство и прогресс» Назим-беем и Зией Гекальпом (22). Помимо этого разрабатывались идеи военного десанта Германии на черноморское побережье Грузии, совместных военных действий с Османской империей и финансирования местных сепаратистских сил, включая агентов в Тифлисе, Баязете и Шулавери (23), а также тайных студенческих собраний в Одессе и Новороссийске (24), курировавшихся Комитетом Церетели.

Принимая во внимание глобальность стратегических планов, сейчас кажется необычным *сочетание аналитического планирования и авантюризма* – тогда оно было в порядке вещей, опять же в силу не совсем прагматичного восприятия геополитических реалий. В июле 1915 г., в разгар войны, военный атташе Германии в Персии граф Георг фон Каниц предложил проект освобождения нескольких десятков тысяч австро-венгерских военнопленных, находившихся в русском Туркестане, с целью использовать их для тылового удара в Сибири для отвлечения сил от Кавказа (25). Утопичность подобного проекта, особенно в 1915 г., не вызывает сомнений. На этом фоне более реальной выглядели даже подъем на борьбу с Россией пятисот тысяч кавказцев или высадка войск на черноморском побережье России с немецких подводных лодок, предложенные Георгием Мачабели соответственно в апреле 1915 г. и мае 1916 г. (26).

Второй особенностью германской политики в Закавказье был *акцент на национальном аспекте и национальных проблемах*, при практическом полном игнорировании всех прочих социальных противоречий, сформировавшихся в регионе в XIX в. Немецкие дипломаты, равно как и жившие в Германии эмигранты из Закавказья, оперируют в своих работах такими, самыми

общими, понятиями, как «нейтрализация Кавказа», «революционизация Кавказа», «христиане Кавказа», «мусульмане Кавказа». Столь общая картина региона, с ее акцентом на нацию и религию, стирала множество важных нюансов. Прежде всего, работавшие в Германии аналитики, предлагавшие проекты «Королевства Грузия, армяно-татарских кантонов и федерации горских народов» (27), упускали из виду множественность внутренних социально-экономических противоречий, которые порой оказывались важнее национального самосознания. Кроме того, эксперты-эмигранты имплицитно исходили из той предпосылки, что грузинский, армянский и азербайджанский национализм априорно враждебен Российской империи и никоим образом не готов сотрудничать с властью в Петрограде. При этом грузинский национализм стал по сути единственным, на который опиралась Германия в своей кавказской стратегии. Потенциальное сотрудничество с армянскими националистами велось посредством культурных организаций (28), однако вскоре сошло на нет в силу союза Германии с Османской империей. Азербайджан же считался зоной турецких политических интересов.

Руководствуясь пустыми тезисами Церетели о том, что «враждебное отношение Грузии к России» – это не «революционный акт по отношению к законной власти, а военные действия страны-комбатанта» и что освобождению Грузии может способствовать только Германия (29), германский Генштаб санкционировал, в частности, создание для борьбы с Россией на Кавказском фронте Грузинского легиона под командованием русского революционера, журналиста Лео Кересселидзе (1885–1944), набранного как из грузин-эмигрантов, так и из военнопленных русской армии – грузин по национальности (30). Легион был переброшен в причерноморские области Турции, следуя заявлению германского посла в Константинополе фон Вангенхайма, считавшего, что «успех войны на Кавказе зависит от союза Грузии с Турцией» (31).

Однако в Легионе сразу начались трения как между грузинами – христианами и мусульманами, так и, собственно, с турецкими властями, которые не рассматривали христиан как бойцов и предлагали распустить легион, передав его кадры в состав германских или турецких войск (32).

В итоге Легион практически не принимал участия в боях, ограничиваясь выполнением полицейских функций (33).

Таким образом, тремя краеугольными камнями германской стратегии в Закавказье в финальные годы Первой мировой войны являлись, во-первых, ставка на местный национализм как силу, которая изначально не приемлет любую власть в Петрограде/Москве; во-вторых, предпосылка о возможности формирования и успешного функционирования в условиях войны некоей федерации закавказских народов; и наконец, в-третьих, нигде явно не проговаривавшаяся, но очевидно существовавшая уверенность в том, что Германия как «старший союзник» сможет обеспечить доминирование своих интересов на Кавказе над интересами Османской империи.

Недостаточное понимание исторических и социальных реалий Закавказья немецкими дипломатами и чиновниками привело к неверному анализу ситуации и, как следствие, к просчетам во внешней политике. В том момент, когда Российская Империя оказалась на грани распада, после февральской революции 1917 г., события в Закавказье стали развиваться совсем по-иному, непредвиденному для Берлина, сценарию.

Отречение императора Николая II означало смену власти и в Закавказье: русский наместник великий князь Николай Николаевич сложил с себя полномочия. Военное командование в регионе, по территории которого непосредственно пролегла линия фронта, оказалось в руках генерала Юденича, а гражданское управление было передано (указом Временного правительства от 22 марта 1917 г.) Особому Закавказскому комитету.

Логика, которой следовали германские военные и дипломаты, предполагала, что в этот момент – сразу после революции в Петрограде – Закавказье должно было не только немедленно объявить независимость, но и вступить в конфликт с Россией. В реальности же события стали разворачиваться во многом хаотично и не укладывались ни в один из немецких планов. Так, резко активизировала свои действия Турция – председателем Совета солдатских депутатов в Трапезунде стал некий Кверквелия, турецкий агент, занимавшийся сбором информации о батумских укреплениях (34). Грузинские представители же приветствовали революцию и возлагали на нее надежды по поводу обретения независимости, однако не предлагали каких-то конкретных шагов по этому вопросу (35).

Прежде всего необходимо отметить просчет Германии в оценке местных, кавказских, политических настроений. Ни отречение императора, ни формирование Временного правительства во главе с Керенским никоим образом не пошатнуло политическую лояльность закавказских лидеров центральной власти в России. Лишь через четыре дня после большевистской революции, 11 ноября 1917 г., Закавказье объявило о своей независимости от России.

В этом контексте важно подчеркнуть два аспекта: с одной стороны, независимость была провозглашена только как реакция на большевистский переворот (как своего рода акт несогласия и непризнания данного политического события) и не означала стремление закавказских лидеров окончательно порвать с Россией; с другой же стороны, независимость была провозглашена не сепаратно Грузией, Арменией и Азербайджаном, а именно коллективно, через Закавказский Комиссариат. При этом если первый аспект в принципе свидетельствует о правильности немецких оценок кавказского национализма как априорно враждебного России, то второй опровергает уверенность Берлина (и живших на территории Германии эмигрантов с Кавказа) о зрелости грузинского, армянского и азербайджанского национализмов.

Кроме того, слабость местного национализма и неадекватность немецкого планирования показывает также и то, что из трех крупнейших полити-

ческих сил, вошедших в сформированное в феврале 1918 г. по итогам выборов правительство Закавказской республики, лишь одна (армянская «*Дашнакцутюн*») может быть охарактеризована как националистическая в строгом смысле этого слова. Грузинскую сторону представляли грузинские меньшевики (то есть, партия с сильным классовым компонентом), а азербайджанскую – партия «*Мусават*» (то есть, партия с религиозным, панисламском акцентом). Более того, практически сразу же – в конце апреля 1918 г. – в Закавказье появился альтернативный центр силы: в Баку возникло пробольшевистское правительство.

Ощущение общности судеб и некоей политической лояльности Закавказья России сохранялось и далее. Если перемирие между Турцией и Закавказьем было подписано последним сепаратно (18 декабря 1917 г.), то предложение Константинополя о заключении постоянного мирного договора (поданное правительству Закавказья в январе 1918 г.) было отклонено. Позиция закавказского правительства состояла в том, что Закавказье по-прежнему является частью России, и лишь избранная учредительным собранием власть в России имеет право подписывать подобные документы (36) – на этом, кстати, еще в 1917 г. делал акцент Михаил Церетели (37). На тот момент Тифлис имел полную свободу действий и никоим образом не зависел от Петрограда; более того, обращение турецкого правительства напрямую к закавказским властям означало акт признания Закавказья де-факто как независимой федерации. Все это должно было бы подталкивать Тифлис к подписанию сепаратного мира, однако в начале 1918 г. местные лидеры еще связывали – вопреки немецким прогнозам – свое политическое будущее с Россией.

Помимо просчета в оценке политических настроений на Кавказе Германия также недооценила способность своего «младшего союзника», Османской империи, влиять на ситуацию в регионе и вести независимую от Берлина игру. Если интерес Германии сводился к непрямому контролю над крупным политическим образованием в Закавказье и поддержании его антирусской направленности, то османское правительство стремилось к прямо противоположному – расколу Закавказья на составные этно-территориальные единицы и прямому контролю над ними. Отказ временного правительства Закавказья подписывать сепаратный мир подтолкнул Турцию использовать все рычаги своего влияния на регион. Уже в апреле 1918 г. парламент Закавказья проголосовал за окончательное отделение от России и создание Закавказской Федеративной Республики, которая в мае того же года подписала с Константинополем Батумский мирный договор.

Усиление турецкого влияния в регионе оказалось в определенной степени неожиданным для Германии. Она вынуждена была кардинально изменить свою тактику и пойти на фактический раскол единого федеративного Закавказья, дабы сохранить свое влияние хотя бы в части региона.

Так, 24 мая 1918 г. (в последние дни Батумской конференции, на которой было достигнуто соглашение о мире между Турцией и ЗФР) грузинские

представители обратились к Берлину с просьбой осуществлять протекторат над Грузией и гарантировать неизменность ее границ. Германия вынуждена была не только согласиться, дабы сбалансировать усиление Турции, но и подтолкнула Тифлис к выходу из ЗФР. Несколькими днями позже азербайджанские и армянские представители также объявили о выходе из ЗФР и сформировали собственные кабинеты министров, переехавшие из Тифлиса в Гянджу и Эривань соответственно.

Распад Закавказской федерации означал окончательно крушение германской стратегии в регионе. В ноябре 1918 г. Германия подписала Компьенское перемирие, означавшее ее поражение в войне, а последние немецкие войска эвакуировались из Закавказья месяцем позже – в декабре.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Цит. по: *Waal Th., de.* The Caucasus. An Introduction. – Oxford, 2010. – P. 37.
- (2) *Marshall A.* The Caucasus under the Soviet Rule. – N.Y., 2010. – P. 37.
- (3) *Jersild A.* Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain People and the Georgian Frontier, 1845–1917. – Montreal, 2003. – P. 95.
- (4) Единственным исключением представляется лишь азербайджанская партия «*Мусават*» (возникшая в 1911 г.), которая изначально ставила во главу угла не классовый и не национальный вопрос, а провозглашала панисламские лозунги.
- (5) *Erckert R. von.* Der Kaukasus und seine Völker. – Leipzig, 1888. – S. 16.
- (6) *Waal Th., de.* Op. cit. – P. 37.
- (7) Ibid. – P. 61.
- (8) *Erckert R. von.* Op. cit. – S. 17.
- (9) *Bodenstedt F.* Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. – Berlin, 1855. – S. 294.
- (10) Ibid. – S. 299.
- (11) Ibid. – S. 294.
- (12) *Mende G., von.* Der nationale Kampf der Russlandtürken. – Berlin, 1936. – S. 6.
- (13) *Koenen G.* Der Russland-Komplex: die Deutschen und der Osten, 1900–1945. – München, 2005. – S. 7–8.
- (14) Ibid. – S. 53.
- (15) ГАРФ. – Ф. Р5325. – Оп. 4. – Д. 467. – Л. 12.
- (16) *Bihl W.* Die Kaukasus – Politik der Mittel Mächte. – Wien, 1992. – S. 232.
- (17) Ibid. – S. 60.
- (18) *Tseretheli M., von.* Georgien und der Weltkrieg. – [Potsdam, 1915]. – S. 38, 54–55.
- (19) Ibid. – S. 40–41.
- (20) Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 1303к. – Оп. 3. – Д. 38. – Л. 70.
- (21) *Bihl W.* Die Kaukasus... – S. 42.
- (22) ГАРФ. – Ф. Р5325. – Оп. 4. – Д. 86. – Л. 6–7.
- (23) Там же. – Л. 3, 7.
- (24) Там же. – Л. 2–3.
- (25) *Bihl W.* Die Kaukasus... – S. 43–44.

- (26) Ibid. – S. 61, 72.
- (27) Ibid. – S. 60.
- (28) ГАРФ. – Ф. Р5325. – Оп. 4. – Д. 86. – Л. 9–12.
- (29) *Tseretheli M. von. Georgien und der Weltkrieg.* – S. 37, 39.
- (30) *Bihl W. Pie Kaukasus...* – S. 75.
- (31) Ibid. – S. 57.
- (32) Ibid. – S. 41, 62–63.
- (33) Ibid. – S. 76.
- (34) ГАРФ. – Ф. Р5325. – Оп. 4. – Д. 252. – Л. 4.
- (35) *Kereselidze L. La Géorgie et la guerre actuelle.* – Soleure, 1917. – P. 63.
- (36) *Hille Ch. State Building and Conflict Resolution in the Caucasus.* – Leiden, 2010. – P. 70.
- (37) *Tseretheli M., von. Die Rechte Georgiens.* – Berlin, 1917. – S. II.

THE ANTI-RUSSIAN STRATEGY OF GERMANY IN THE CAUCASUS IN THE YEARS OF WORLD WAR I

I.I. Barinov

Department of History
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Pr., 27-4, Moscow, Russia, 119992

The article is devoted to the study and critical analysis of the strategic plans of Germany against Russia in the Caucasus region during the I World War. The paper aims to identify the basic characteristics of German strategy and the reasons for its failure. It is also possible to trace the specific relationship of social and national conflicts in the Caucasus of early 20th century.

Key words: Russia, Germany, the Caucasus, I World War, Geopolitics.